

РЕЛИГИОЗНОЕ СЕКТАНТСТВО: ПОСЛЕДОВАТЕЛИ И ПРЕСЛЕДОВАТЕЛИ КАК ИНВАРИАНТЫ ОДНОГО АРХЕТИПА

Михаил Юрьевич Смирнов

У меня нет принципиальных возражений против постановки темы и хода рассуждений автора. По частностям, деталям — какие-то разночтения с моим пониманием имеются, но не существенные. Поэтому немного выскажусь о самой проблеме.

Автор, согласившись в начале статьи с моим давним суждением об архетипической подошлеке («свой/чужой») антикультистских установок, заметил в то же время, что это упрощение, поскольку динамика образа врага носит комплексный характер, указывая на серьёзное антропологическое содержание этого образа.

Не буду спорить, поскольку у меня сложилось впечатление, что всем ходом дальнейшего рассуждения, приводимыми примерами и отчасти выводами автор подтверждает мой тезис, демонстрируя при этом многогранность феномена, который в нынешних условиях нуждается в более обстоятельной трактовке: одно дело архаический архетип из резервуаров «социального бессознательного», другое дело — проявления этого архетипа в современной социокультурной реальности.

Остановлюсь на одном из ключевых, по моему представлению, аспектов темы. Таковым я считаю жёсткую нормативность антикультистских, антисектантских и им подобных настроений. Эта нормативность укоренена в убеждении, что должно быть только одно — безусловно правильное и поэтому общеобязательное — понимание человека, его личности и системы ценностей. Такое правильное понимание способствует чёткому структурированию социального пространства и духовных смыслов, подобно «логосу» пере-

водит «хаос» разномыслия и различных жизненных стратегий в предсказуемый «космос», упорядоченный и (что самое главное) управляемый. Всё, что не вписывается в этот «космос», дискомфортно и вполне закономерно воспринимается как деструктивное, отчего вызывает отторжение, вплоть до намерения вернуть отступников к «норме» мирными и/или немирными способами (либо избавиться от носителей «деструктивности»).

Скажем, если «норма» — воцерковленный верующий, то нарушитель порядка («сектант»), выступает «испорченной вещью», он поражён и заражён, а потому опасен. Гуманизм церкви в том, чтобы не сразу уничтожать отступника, а бороться за него. Такого надо либо спасти («депрограммировать»), либо лечить («консультировать о выходе» и пр.), либо (если безнадежен) — изолировать.

Я не стал бы оценивать такую жёсткую позицию исключительно отрицательным образом. По-житейски, в сфере повседневности она может быть вполне оправдана при ситуации прямого столкновения друг с другом индивидов или совокупных субъектов с разными мировоззренческими, религиозными и социокультурными установками. А таких столкновений в глобализированном (или, точнее, глокализированном) мире не избежать. Возникают они и внутри одного и того же общества. Намерение сохранять свой локальный габитус и с трудом достигнутую идентичность — дело естественное и гораздо более укоренённое в истории и культуре любого этноса и социальной общности, нежели идеи всечеловечества, универсальных ценностей и прочие глобальные устремления. Поэтому приведённые автором примеры антикультуристской риторики и почти умышленной неопределённости стигматизирующей юридической терминологии говорят не столько о своеобразных персональных фобиях и низком уровне ментальной культуры их инициаторов, сколько о проекции в со-

временность архетипических страхов перед «инаковостью» и поливариантной реальностью.

Понятное дело, что пресловутые «сектанты» и «культисты» в долгу не остаются и, как пишет автор, «с не меньшим удовольствием дегуманизируют своих врагов». При этом последователи стигматизированных сообществ вполне способны использовать далеко не всегда чисто плотные методы. То есть, если избрать социально-антропологический ракурс взгляда на это противостояние, можно обнаружить типологическое тождество последователей и преследователей.

Однако, для современного состояния цивилизации вопрос о цене, потерях и рисках принудительной «космизации», да и вообще о том, что есть норма, и что есть подлинный социальный порядок — имеет не только дискурсивное значение. Мировое сообщество получило в своем недавнем прошлом впечатляющий негативный опыт антропологического конструирования «правильного человека» в условиях тоталитарных режимов. Нельзя, к сожалению, сказать, что это стало гарантированной прививкой от рецидивов. Думаю, что поиски враждебного «они» в условиях, когда не удастся форсированное конструирование желательного «мы», будут длиться, варьируя «мишени», в неопределённо долгой перспективе.

Что тогда делать религиоведу, осознающему разрушительность «сектоборчества», но и его неискоренимость? Полагаю, что всё равно, подобно оводу жалить и жалить компетентным словом специалиста неповоротливое общественное сознание, объяснять и разъяснять, и не отступать. Капля камень точит.